

Игорь К. Архипов

О "переносе информации" в прямом и метонимическом смысле

Przegląd Wschodnioeuropejski 2, 453-464

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Игорь К. Архипов

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

О «ПЕРЕНОСЕ ИНФОРМАЦИИ» В ПРЯМОМ И МЕТОНИМИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ

В обсуждении этой одной из, казалось бы, уже закрытых проблем можно попытаться отталкиваться только от фактов и наблюдаемых явлений.

На моё предположение о том, что читающий не извлекает из текста содержание в готовом виде, коллега возразила: «Так чего ж он читает?».

Меня не меньше насторожила «итоговая» фраза, прозвучавшая в пору завершения карьеры из уст очень известного лексиколога в ходе научной дискуссии 15 лет назад: «Значение слова, которое передаётся неизвестно каким образом...» и так далее, что несущественно в данном случае. Следует отметить, что в формулировках по этой теме в работах данного лингвиста читатель не найдет никаких особых отличий от общепринятых. Это признание свидетельствует о том, что специалист, написавший массу текстов о значениях слов, не испытывает беспокойства в связи с незнанием того, как они образуются и функционируют. Надо полагать, что подобная ситуация не уникальна и что даже среди гуманитариев истинная природа семиозиса представляется не столь существенной, поскольку профессиональные интересы исследователей в различных областях концентрируются, в основном, вокруг деятельности сознания с подразумеваемым допущением об использовании «готовых слов». Точно также мы разогреваем воду в чайнике, не интересуясь подробностями природы электричества.

На основе повседневных наблюдений того, что люди говорят и читают, и при этом понимают, трудно разглядеть пружины этих процессов. Исходя из здравого смысла, они удовлетворяются простыми аналогиями для объяснения механизмов этих «простых» действий. Наиболее распространенной версией, естественно, является уподобление содержания веществу (жидкости) в оболочке-форме слова (контейнере). «Естественность» сравнения кажется столь убедительной, что оно становится стереотипом, основой веры, не требующей доказательств. В этой

ситуации, по стародавнему совету Н. Д. Арутюновой, следует присматриваться к сути явлений на их изломе. Итак, иллюстрация коммуникативной неудачи (an infelicity).

В книге мемуаров «Чито-грито» кинорежиссер Г. Данелия описывает попытку своей съемочной группы найти необходимый ей подъемный кран, затонувший в реке:

Послали в Херсон за водолазом. Водолаз не хотел ехать. У него напарник заболел, а без напарника он не работает. Ему сказали, что у нас народ толковый, все сделают, что надо и как надо, и пообещали хорошо заплатить. Уговорили.

Воздух водолазу по шлангам подавали через какой-то допотопный аппарат, с ручкой как у колодца. Связь по радио. Слышим, водолаз сказал:

– Мало воздуха.

Стали крутить ручку быстрее. Из-под воды раздался нервный голос:

– Мало воздуха! Мало воздуха! Крутим еще быстрее. Истеричный крик:

Вы что там, оглохли?! Мало воздуха говорю!!! Мало воздуха!!! Все, включая меня, накинудись на колесо и давай крутить так, что чуть дым не пошел.

И тут всплывает водолаз в очень раздутом скафандре, не головой вверх, как положено, а плашмя. Подтянули мы его к плоту и отвинтили шлем. Оттуда со свистом пошел воздух и одновременно мат – хороший, морской, минут на пятнадцать! Оказывается, команда «мало воздуха» означает, что надо качать меньше воздуха.¹

Рассмотрим причину коммуникативного сбоя с позиции одного из участников обсуждения этого случая: «информация проникла через кожу...» и зададим вопросы необходимые для уточнения проблемы: 1) Если значения – предметы, то как они крепились к предметам – звуковым формам? 2) Через какие выходы и входы (отверстия) они проникали? – Ответ: комплексные исследования специалистов по анатомии не обнаружили выходов и входов информации на человеческом теле.² 3) Каков механизм переноса значений, если они являются формой физического излучения? – Ответ: В выступлении по радио Нобелевский лауреат, президент Атеистической Ассоциации России В. Гинзбург сообщил, что в разное время он провёл четыре серии экспериментов, которые не обнаружили явления телепатии.

Лучшие умы догадывались об этом и раньше: «значение – факт сознания. Оно замкнуто в сознании и, так сказать, никогда не покидает

¹ Г. Н. Данелия, *Чито-грито*, Москва 2007, с. 509–510.

² У. Матурана, *Биология познания*, [в:] *Язык и интеллект*, Москва 1995, с. 133.

головой. При сообщении значений, строго говоря, не происходит их передача [...] Это – метафоры».³

Итак, существующие на сегодняшний день экспериментальные данные закрывают проблему в плане отрицания и тем самым стимулируют необходимость представить альтернативу. Однако оказывается, что в основе всего лежит проблема более глубокая, фундаментальная – что такое значение слова. Она вырисовывается четче, если использовать процедуру анализа, известную как «брита Оккама».

Английский философ У. Оккам (1300?–1347) предложил принцип предпочтения в выборе предмета исследования и исходных данных. Он полагал, что начинать следует с «первичного сознания», основанного на интуиции и «внешнем восприятии», то есть на данных восприятия пятью органами чувств, оцениваемых с помощью интроспекции. При этом анализируемые «сущности не следует умножать без необходимости». Если явления «не сводимы к интуитивному познанию и не поддаются проверке в опыте», то подобные «понятия должны быть удалены из науки».⁴

Из этого следует ясное различие между «явлением» и «понятием». Подход Оккама опирается на древний критерий адекватного познания, по праву полностью оцененный в наше время: «человек является мерилom всего».

В результате «удаления из науки» представления о значениях как предметах, способных пересекать оболочки человеческого тела, очевидно остается ограничиться наблюдением «единичных (singular) субстанций и их абсолютных (присущих им. – И. А.) свойств [...] (которые и) обладают реальным существованием»⁵. Действительно, можно наблюдать конкретное человеческое тело в процессах его речевой деятельности – движения губ и рук, жесты, мимику, интонации, поведение тела, а также продукты этой деятельности – звуковые и графические формы слов и их сочетания. Что же касается содержания, то его «присутствие» в материальном мире может быть лишь представлено как компонент схемы – семантического треугольника на бумаге или доске.

³ М. В. Никитин, *Основы лингвистической теории значения*, Москва 1988, с. 16; см. также: А. В. Кравченко, *Когнитивный горизонт языкознания*, Иркутск 2008.

⁴ *Философский энциклопедический словарь*, Москва 1983.

⁵ Там же.

Это – чернильная или грифельная линия, которая символизирует ненаблюдаемую связь между ненаблюдаемым понятием об обозначаемом предмете с ненаблюдаемым образом материальной формы соответствующего слова (сторона «имеет смысл»). О коммуникативной ценности её можно судить по тому, что схему семантического треугольника можно увидеть лишь на страницах специальной и учебной литературы. Однако, одновременно она является весьма ценным дидактическим средством, вынужденно используемым при изучении реализации значения, произвольно выхваченной из потока деятельности психики конкретного человека в момент «остановленного» времени.

Далее, известно, что сторона треугольника, представляющая значение, отражает «непосредственную связь». Она названа так, потому что подразумевается, что выбор той или иной формы слова обеспечивает ассоциацию с определенным смыслом и, наоборот, для выражения данного смысла используется данная форма слова. Из этого следует, что язык работает по механизму «одна форма – одно значение». Это, однако, не совпадало с результатами упражнений индийских лингвистов школы Панини, примерявших 2500 лет назад фразу «Солнце зашло» к описаниям неограниченного числа ситуаций. Это не совпадает с данными современных психолингвистов об отсутствии в долговременной памяти «складов»⁶ связок значений с формами слов и всё чаще приходит в столкновение с описаниями механизмов вывода (online inferencing) значений коммуникантами в ходе их общения.

«Вывод здесь и сейчас» означает, что значение не существовало в данном сознании до данного момента, и оно исчезнет в следующий миг, будучи вытесненное выводом значений последующих слов. Кроме того,

⁶ А. А. Брудный, *Значение слова и психология противопоставления*, [в:] *Семантическая структура слова*, Москва 1971, с. 19–27.

ясно, что если речь идет как о формировании в сознании значений и образов соответствующих форм слов в ходе речевой деятельности конкретных языковых личностей в конкретный момент времени и конкретном пространстве, так и их исчезновении, то мы тем самым покидаем язык-схему, ограниченную плоскостью семантического треугольника. Это неизбежно, так как он символизирует лишь абстрактные отношения между тремя явлениями — предметом-референтом, формой слова и предметом-человеком «вообще», то есть в отвлечении от массы реальных ситуаций. Данная схема отвечает на вопрос «как» связаны эти три участника, но она бесполезна при попытках объяснить «почему» и «каким образом» начинается и протекает их взаимодействие, обеспечивающее понимание («передачу информации»).

Далее, понятно, что для любого действия и взаимодействия нужна энергия. Из трех участников ею обладает только человек – факт, устанавливаемый с помощью органов чувств. Поэтому, как только водолаз почувствовал избыток поступающего воздуха, для обеспечения нормальной жизнедеятельности, а со временем и выживания, он использовал энергию своего тела, в частности, для подачи звуковых сигналов. Подача в любой форме сигналов физических воздействий, не несущих сами по себе никаких значений (информации), является рутинным способом приспособления к окружающей среде.

В принципе никого из носителей русского языка не удивило бы, что, находясь в скафандре и под водой, водолаз выбрал слово «мало» (немного, недостаточно)⁷ в отношении параметра «уровень воздуха». «Немного» и «недостаточно» – понятия близкие и подразумевающие друг друга, но не идентичные. Первое констатирует наличие (относительно) небольшого количества, а второе – то же самое с намеком на то, что оно не удовлетворяет некую потребность или не соответствует норме. Можно полагать, что знание данного концепта, сложившееся в ходе бесчисленных употреблений этого слова, то есть опыта, хранится в долговременной памяти в виде комплекса-инварианта, который можно назвать «лексическим прототипом».⁸ Такую форму общения с бортом водолаз выбрал еще и потому, что это – принятая, штатная фраза, использующая первое значение как команду (директив) удерживать «малый» (низкий) уровень подачи. Нетрудно также предположить, что команда сопровождалась соответствующими директивными интонациями, подкрепляющими (дублирующими) смысл приказа. С точки зрения водолаза, комплекс подаваемых им сигналов был достаточен для

⁷ С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва 1992.

⁸ И. К. Архипов, *Язык и языковая личность*, Санкт-Петербург 2008, с. 105–120.

интерпретации их телом напарника, натренированным предшествующей подготовкой и опытом коммуникативного взаимодействия. И, действительно, в штатных условиях как обмен рутинными сигналами, так и рутинная мгновенная реакция организмов участников операции очевидно не требует заметного интеллектуального усилия с обеих сторон. Идет процесс ничем непримечательного, рутинного общения, типичного для основной массы случаев коммуникации в различных сферах.

Однако на другом конце связи оказался коммуникант, имевший лишь общие, конвенциональные знания о том, что «мало» означает «немного и/или недостаточно», и помнивший, что знания этого инварианта ему хватало во всех ситуациях общения. Точно так же он был уверен, что в этой «несложной» ситуации – человек под водой и ему трудно дышать – ему (будет) достаточно подобных «знаний о жизни». Эта уверенность в себе усиливается в первые же минуты работы, когда он слышит о ж и д а е м о е сообщение: «мало воздуха». Согласно его опыту коммуникации, оно является констатацией (ассертивом) того, что в системе недостаточно воздуха. Моментально, его тело, натренированное на «спасение человека, которому не хватает воздуха», мобилизуется на усиление подачи. Кроме того, он определенно был не в состоянии правильно интерпретировать интонации водолаза, и тоны, выразившие возрастающее возмущение и страх, он истолковывал в противоположную сторону.

Описываемый сбой косвенно указывает на то, что обычно происходит в нормальных условиях коммуникации и не произошло в данном случае. Характеризуя «передачу знаками значений» и называя это «метафорой», Никитин поясняет:

[...] Знаки не несут и не передают значение [...] от одного человека другому, а [...] возбуждают аналогичные информационные процессы в двух сознаниях; [...] обмен формами слов имеет результатом актуализацию одинаковых или близких значений в голове общающихся.⁹

Подобное совпадение механизмов и результатов семиозиса обосновано и гарантировано «консенсуальностью» сознаний коммуникантов¹⁰ то есть совпадением их знаний о мире, о языке и правилах его использования. Следовательно, форма слова оказывает всегда одно и то же физическое воздействие на рецепторы различных людей, а те реагируют формированием (почти) одинакового знания, достаточного для понимания. Но когда у колеса насоса оказывается случайный человек, незнакомый с особенно-

⁹ М. В. Никитин, *Основы лингвистической теории значения*, Москва 1988, с. 16.

¹⁰ У. Матурана, *Биология познания...*, с. 139–141.

стями работы с ним, а также с жаргоном, на котором говорят вокруг него, то происходит то, что произошло.

Подводя предварительные итоги анализа освященной вековой традицией «передачи информации», следует отметить, что сама эта фраза метонимична и не передает прямой смысл. Перенос, конечно, имеет место, но, в действительности, переносятся сигналы – материальные формы слов. При этом в сознании каждого из участников коммуникативного акта параллельно идут процессы создания соответствующего знания (информации). По смежности этих двух процессов обмен сигналами называется «переносом информации». В данном случае Оккам констатировал бы образование лишь нового «имени».

Как было показано выше, индивидуальные процессы формирования знания запускаются всем организмом с целью приспособления к окружающей среде и к непосредственной нише, в частности, в данный момент. Новое знание (значение) создается на основе опыта (памяти о) аналогичной коммуникации в прошлом. Каждый воспринятый сигнал активизирует соответствующий сегмент памяти об имевших место связках сигнала и реакции организма на него. И, наоборот, необходимость повлиять на окружающую среду в натренированном теле, как правило, автоматически связывается с процессом выдачи соответствующей формы языковой единицы и/или другой формы поведения тела.

Таким образом, значение единицы языка есть осознание характера изменения состояния нервной системы в результате появления, исчезновения или отсутствия ее формы в конкретных условиях. Оно реализуется во взаимодействии взаимодействия одного из коммуникантов (1) со своей нишей, которая включает и партнера (2), с взаимодействием партнера (2) со своей нишей, включающей и партнера (1).

Знание о сигналах и механизмах их использования есть система языка конкретной личности. Результатом обобщения этого знания о конкретном языке в рамках всего коллектива есть система национального языка. Если система языка одной личности является ее исключительным знанием, постоянно корректируемым в ходе общения с другими членами языкового коллектива, то система общенародного языка есть знание специалистов, неравномерно распределенное между ними. В целях унификации этого знания создаются академические кодифицирующие документы в качестве справочников-«маяков». Следовательно, система общенародного языка не существует как «единичный реальный предмет» (Оккам) наряду с другими конкретными предметами объективного мира. Она лишь представлена и лишь в сознаниях специалистов, стохастически, в зависимости от уровня компетенции каждого из них.

Сказанное здесь подтверждает общие представления о механизме формирования знания. Это – догадка (аутопозэ)¹¹, начиная с актуального значения слова до знания индивидуальной или национальной системы языка, в конкретный момент и в конкретном месте (ситуации). Когда академик, уже сделавший существенный вклад в составление нормативных изданий в области его исследований, встречается новые данные, то он догадывается о том, что стоит или может стоять за словами нового для него автора, или кто может быть автором неизвестного до сих пор текста. Так он достраивает новое для него знание. Однако с учетом темы настоящего сообщения следует напомнить, что он, как и все носители языка, догадывается о значении каждого из сигналов, составляющих каждое получаемое сообщение. Естественно, что для догадки на основе интеллекта академика о смыслах, генерируемых отсутствующим собеседником, достаточными могут оказаться сигналы письменных текстов. В этой связи, по контрасту, можно показать, как обеспечивается догадка в устной речи при зачаточном уровне развития интеллекта.

Для достижения утилитарных целей обслуживания своего ребенка и параллельно, сознательно или бессознательно, для обучения его языку мать годовалого ребенка, используя ласковые обертоны и приглашающие жесты и/или притягивая его к себе, приговаривает: «Васенька, хороший, иди ко мне». Ребенок получает сигнал «хороший» в связке с приветливым выражением лица, жестами и интонацией приглашения, то есть с положительной оценкой происходящего. Эти жесты и притягивание связываются с формой «иди» и догадкой о необходимости двигаться. Закладываются предпосылки формирования значения «направления» при появлении форм «ко» и дательного падежа – е в связке с приглашающим к себе жестом и/или притягиванием или подталкиванием. Форма «мне» оказывается связанной с жестами, указывающими на контрагента по коммуникации, являющегося целью движения и/или бенефициантом.

Последующее неоднократное появление в аналогичных ситуациях изначально ни с чем не связываемых языковых форм постепенно связывается с визуальными, звуковыми, тактильными и обонятельными сигналами, формируя представления о значащем совместном появлении соматических и языковых сигналов, завершающимся всегда одной и той же догадкой о приглашении двигаться к матери. Тело ребенка становится все более натренированным для интерпретации этих комплексов и адекватного поведения в ответ. Так складывается индивидуальная система языка. Со временем центр активного внимания и интеллектуального

¹¹ А. В. Кравченко, *Когнитивный горизонт языкознания...*, с. 164–173 и др.

напряжения ребенка смещается с соматических сигналов на роль языковых форм, при этом первые продолжают выполнять свои функции, перемещаясь в подсознание. В случае анализа ситуации, описываемой высказыванием: «Фу, Вася плохой, уходи от меня», нетрудно установить аналогичные связки сигналов и выстраивания знания (догадки) с противоположным знаком.¹²

Учет реальных механизмов познания может явиться основой для пересмотра стратегий обучения. При этом главной целью должен стать отказ от методик, пренебрегающих пошаговым и опережающим контролем усвоения учебного материала. Так, например, понятна роль уровня профессионального мастерства подачи его в аудитории и эффективности его усвоения учащимися. Тем не менее, постоянная и опережающая осведомленность преподавателя о готовности и способности конкретного учащегося понять, запомнить, активизировать и т.п., как представляется, является залогом и приоритетом успешного обучения. Совершенствование подачи материала и тренинга должно быть производным от уровня интеллекта ученика, а не наоборот, потому что даже самые передовые и интересные знания, объясненные самым совершенным образом, не попадают в виде «готового знания» в сознание ученика. Понимание этого может стимулировать создание методов обучения, в гораздо большей степени, чем сейчас ориентированных на контроль и тестирование, то есть на проверку умения догадываться по косвенным сигналам. В этом нет ничего принципиально нового: ни одна когнитивная структура, или «просто мысль» не наблюдаема, поэтому о ней приходится догадываться, оценивая весь комплекс сигналов, поступающих от них, и с учетом речевого контекста.

Итак, в исследовательской части сообщения было показано, что «переноса информации» («готового знания») в действительности нет, что это — просто «имя», перенесенное по смежности с процесса обмена языковыми формами. Этот анализ основан на концепциях биокогнитивной теории языка

Они в свою очередь построены на общепринятом понимании того, что в условиях, допускающих их существование, все живые организмы функционируют так, а не иначе только потому, что они так устроены и таковы их существенные свойства. Поэтому не следует удивляться тому, что язык — лишь одна из функций тела, которое устроено так, как оно устроено, и, соответственно, психика, то есть ментальная деятельность,

¹² И. К. Архипов, *Язык и его функция: смена парадигм научного знания*, [в:] *Наук о языке в изменяющейся парадигме знания* [Studia linguistica cognitiva 2], Иркутск 2009, с. 122–126.

– его внутреннее свойство. Следовательно, в каждый произвольно взятый момент каждое происходящее в ней событие, например, осознание знаковой ситуации или любого смысла, «начинается» и «кончается» в пределах организма. Будучи основана на наблюдаемых свойствах человеческого тела и функциях, биоконгнитивная теория оказывается достаточной для объяснения анализируемого нами явления и, таким образом, делает перенос информации «сущностью, умноженной без необходимости».

И вот тут можно привести еще один пример, но вопрос – чего?: коммуникативной удачи или неудачи. Эту историю мне рассказали, но даже если это выдумка, то она вполне закономерна как возможная логичная антитеза конвенционального коммуникативного акта.

Школьникам предложили написать сочинение на тему «Что такое счастье». Один из них вернул чистый листок бумаги. В этой связи возникают следующие вопросы и ответы:

Состоялся ли акт коммуникации? – Да, состоялся, потому что на сигнал/ы: «Напишите сочинение» и, возможно, вручение листка бумаги были даны ответные сигналы – возвращение листка и отсутствие текста на нем. (Подразумевается поведение школьника, контролирующего свое поведение). Оба сигнала участвовали в формировании знаковой ситуации. Так, возвращение (пустого) листа воспринималось («означало») как подтверждение того, что, по мнению ученика, акт коммуникации состоялся. Во-вторых, отсутствие письменного ответа могло восприниматься («означать») как широкий диапазон причин – от физического и/или психического нездоровья или неполноценности до использования своего поступка в качестве самого изощренного, больно ранящего удара (вызова). Описание сознанием указанных формальных (физических) сигналов воспринималось («означало») лишь как общее негативное отношение к цели коммуникации. Однако присутствовавшие и знавшие школьника учителя могли догадаться о большем, сопоставляя все его действия в данных обстоятельствах с опытом наблюдения за ним в прошлом. Иными словами, за аутопоэзом ученика, выразившимся в упомянутых формах поведения, закономерно следовал аутопоэз учителей, и их догадки были тем ближе к истине, чем богаче была история взаимодействия аутопоэзов обоих.

Ну, и последний довод в пользу того, что технически исполнение учеником своей роли в данном коммуникативном акте было адекватным или могло быть таковым. Данное исследование не связано с проблемами оценки качества «контента», но лишь с механизмом «его передачи». Поэтому если мы не сравниваем то, что писал о счастье Л. Н. Толстой, с тем, что об этом пишут сегодня дети, и если общение не сопровождается

поломками телесных средств коммуникации, то формы выражения всегда адекватны состоянию сознания (тела), их выдающего. Так, у Толстого – это тексты-образцы мысли и выражения, у 15-летних школьников – всё «качеством пониже», а у одного из них, растерявшегося, или, наоборот, придумавшего «самую эффективную» форму реакции, – это был чистый лист. Во всех трех ситуациях создаваемое содержание вызревало через осознание тех форм поведения, в которых оно будет и исполнено. Соответственно, наблюдая результаты этого исполнения, слушающий или читатель догадывался о том же. В то время, как процесс общения сопровождается чтением, громкой или тихой речью, обменом или размахиванием бумажками и т. д., создание смысла всего происходящего начинается и кончается, интимно, в пределах сознаний коммуникантов, здесь и сейчас. Мысль отталкивается от создаваемых здесь и сейчас форм языкового поведения – форм слов, жестов, мимики и пр. – их комбинаций или от фактов их отсутствия. Сами они не несут никакого содержания, но, в соответствие с целями общения, они осмысляются коммуникантами как знаки («становятся» ими) здесь и сейчас. Поэтому содержание языка есть явление, всецело замкнутое в человеке.

Однако существует иной взгляд (гипотеза), в соответствие с которым человек выводится из круга биологических тварей. Устройство и функции его организма определяются высшим промыслом. Для соответствия ему, человек наделяется неопределенным набором свойств и способностей. Так, допускается, что он может общаться с постулируемым информационным миром – включать в свое сознание (организм) мысли и идеи «со стороны», или оставлять свои мысли и идеи в своих артефактах – текстах, памятниках, произведениях искусства. Подобные построения ума живут наравне с остальными предметами объективного мира: так, например, сосуществуют три онтологические сущности – мир, человек и язык.¹³ Естественно, что каждый волен выбирать между двумя гипотезами в соответствии со своим вкусом, то есть мировоззрением.

„Transduction of information” as Interpreted Literally or Metonymically

Occam's razor approach is used to disclose the true nature of head-to-head transduction of linguistic meaning. An evaluation of an infelicity showed it to be a name rather than a phenomenon (Occam). It is a metonymic description of actual exchange of linguistic forms taking place during communication. Occam-style reliance on the sensorium alone is suffi-

¹³ Н. Н. Болдырев, *Категория как форма репрезентации знаний в языке*, [в:] *Концептуальное пространство языка*, Тамбов 2005, с. 38.

cient to repudiate the implication that linguistic meaning is a thing. Alternatively, biocognitive theory (Maturana, Kravchenko et al.) points to interpretation of correlations of signals and bodily responses to them as the key to the mechanism of communication. As such correlations are memorized, an individual system of a language arises. It provides for competent use of linguistic forms, coupled with a varying range of other bodily signals, to orient the partner to autopoiesis, i.e. his|her sense generation on the basis of commensurate knowledge and linguistic expertise. On such view, the need to adapt to environment, both current and expected, is seen as the stimulus as well as *raison d'être* of communication. By feedback, the organism's living in language (languageing) is a major factor of its survival in the long run. As far as communicative mechanism is concerned, the speaker organizes a relationship between him/herself as sender and his/her niche to make sure that suitable signals – oral and written language forms, gestures, intonation, body language, etc. are released. Such objects do not become signals for a living system until the latter is prone to respond to them in order to continue to develop. Thus, the recipient interprets and understands the interaction between him/herself and his/her niche, which includes them. Since exchange of information arises as autopoiesis occurring in either partner, any idea of information as being a thing which enters or leaves the body to effect understanding should be considered void (or redundant in Occam's terminology).